

 НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

БАНДИТ-4
НЕКРОМАНТ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ56

Иллюстрация на переплете
Лариса Клепакова

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 Бандит-4. Некромант / Евгений Щепетнов. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с. — (Новый фантастический боевик).

ISBN 978-5-04-172227-2

Продолжается учеба в Академии, и продолжают приключения Петра Синельникова, или как его именуют в этом мире — Петра Сина Роса.

Теперь он некромант, совершенствующий свои способности. Но ведь некромантия в Империи запрещена под страхом смерти! И как тогда жить бедному некроманту?

Впрочем, теперь уже не такому и бедному... Четвертая книга нового захватывающего цикла.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172227-2

© Щепетнов Е.В., текст, 2023
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

— Пет, давай! Играй! Или ты так, для виду носишь эту штуку за спиной?! Эй, музыкант, играй!

Я посмотрел на Аллена, тот махнул рукой — играй, мол! И сделал жест рукой: «Я пока выпью».

Ну что же... сегодня не мой день по «графику», сегодня Аллен играет. Хотя кто мешает нам играть по очереди? Музыкантов в трактире осталось двое — тут раньше было еще что-то вроде квартета, но один помер от перепоя, другой заболел... двое оставшихся притащились в трактир в таком непотребном виде, что даже выдавший виды хозяин трактира Дункас, бывший наемник, велел им убираться в тот хлев, из которого они выползли, и не позорить его доброе заведение. А если не уберутся — он лично начистит им поганые рыла.

Кто-то может сказать, что это очень жестоко, что так не поступают с музыкантами, но, черт подери, разве можно приходить на работу в разорванных на заднице штанах, к которым прилипло размазанное дерьмо? С разбитой мордой, немойтой как минимум месяц, и с инструментами, перевязанными веревочками? Ну какая-то профессиональная честь должна же быть? Сам ты хоть в говне вывозись, хоть го-

лый приди, но инструмент у тебя должен блестеть, вылизанный, ухоженный, звучный. «Одна палка, два струна» — это для нищих. В трактире «Якорь» собираются люди обеспеченные, солидные — пусть даже у многих из них руки по локоть в крови. Или тем более что по локоть в крови. Достанется и музыканту, и трактирщику — за то, что допустил этих уродов к такому щекотливому делу, как развлечение добрых людей.

В общем, трактирщику даже не пришлось мारаться, выбрасывая этих чудиков, сами посетители постарались. Все какое-то развлечение.

Да, жаль — куда они потом подадутся? Но надо было думать, прежде чем сливать свою жизнь в сортир. В своей прежней жизни на Земле я насмотрелся на подобных чудаков на букву «М», и лично я не испытываю к ним никакой жалости. Каждый сам кузнец своего несчастья.

Зачем я прихожу сюда, в трактир? Зачем тут вступаю? После того как отец Хенеля оставил мне наследство, две тысячи золотых, никакой необходимости в зарабатывании денег игрой на лютне по трактирам я не испытываю. Вот только... меня поймет, наверное, лишь профессиональный музыкант, артист: это как наркотик. Ты играешь, а люди тебя слушают. Слушают, открыв рот, прекратив есть, пить, щупать шлюх, сидящих на коленях, замерев и не дыша, будто боясь спугнуть мелодию. Это заводит. Это как наркотик! Ты уже не можешь без этого жить.

Я на Земле был профессиональным военным, даже зарабатывал приличные деньги — когда перешел служить в ЧВК, но сколько раз в своей жиз-

ни я жалел, что не стал музыкантом! Профессиональным музыкантом! А ведь все у меня для этого было — музыкальный слух, умение играть на гитаре, отточенное годами обучения, голос — да, у меня был какой-никакой голос, в отличие от большинства заполнивших эстраду попсовиков! А вот поди ж ты... стал профессиональным воином.

Ну что тут сказать... дороги нас выбирают! Расскажи Богу о своих планах — пусть посмеется.

Сажусь на стул, еще теплый от костлявого зада Аллена, моего приятеля, бывшего наемника и музыканта (кстати, ведь похожие судьбы, нет?), закидываю ногу за ногу и кладу лютню на бедро. Когда-нибудь я закажу мастеру, который сделал эту лютню, самую настоящую гитару, наподобие той, на которой я играл долгие годы и в музыкальной школе, и потом, уже служа в армии. Я всегда таскал за собой гитару, и даже позывной у меня был: Музыкант. Это уже в ЧВК я стал Синий. От Синельникова. Так показалось проще моему командиру.

Эта лютня стоит больше ста золотых — целое состояние в этом мире. За сто золотых можно жить несколько лет семье из четырех человек. И практически ни в чем себе не отказывая. Еда тут довольно-таки дешевая, ведь этот мир больше аграрный, чем промышленный. Климат тут очень мягкий, дожди идут вовремя, земля — сплошной чернозем, наподобие украинского. Палку воткни — и она зазеленеет, пустит корни. Так с чего еще быть дорогой? Почему за нее должны драться бешеные деньги? Хотя... и такое бывает. Я это видел.

Настраиваю лютню, наигрываю мелодию — больше так, для порядка, чтобы пропитаться духом

музыки, чтобы ощутить свою лютню, сделать ее своим продолжением, своим органом.

Жаль, что это не гитара. Вот не хватает лютне той сочности, той мощи, какая есть у гитары! Вроде бы все на месте — и шесть струн, и металлические колки... а вот не то, не так звучит! Хочется услышать знакомый звук, трогаешь струны... а звучит иначе. И ты чувствуешь легкое разочарование — в очередной раз, как и всегда. Нет, все-таки в ближайшее время схожу к мастеру, который сделал лютню, — я уже узнал, кто он такой и где живет. Объясню, что мне от него нужно, и закажу инструмент. Кстати... тут есть что-то вроде патентного бюро... а не сходить ли мне прежде к стряпчим? «Изобрету» гитару, и пускай каждый мастер, который делает такой инструмент, отстегивает мне бабки! Почему бы и нет? Чай, не коммунизм. Всякий труд должен быть оплачен!

Улыбаюсь своим мыслям, трогаю струны, подбирая мотив под стихи, и начинаю:

Море вздымается черной стеной...¹

В трактире тихо-тихо, только на кухне гремит сковородами запалившаяся от работы кухарка, да на улице прогремывает огромными колесами по булыжной мостовой фура ломовика. Пахнет жареным мясом, пролитым пивом, потом разгоряченных мужских тел и смазанной рыбьим жиром кожей сапог и безрукавок, обшитых стальными кольцами. Огромные, сильные, жестокие люди под воздействием музыки превращаются в наивных детей, жаждущих красоты и сказки. Наверное, я сейчас

---

¹ Море вздымается черной стеной — М. Семенова.

сродни сказочнику-фантасту, погружающему человека в мир его грез, уводящему туда, где сбываются мечты...

Когда закончил, секунд пять царила не прерываемая ничем тишина, потом зал взревел. Люди стучали по столешницам (тут это заменяло аплодисменты), вопили, потрясали в воздухе кулаками — только что не свистели от полноты чувств. Ибо у моряков свист считается дурной приметой, приносящей неудачи и вызывающей шторм. А тут ведь как минимум половина посетителей моряки: трактир располагается возле порта, так что нет ничего в этом удивительного. «Якорь» — он и есть якорь. Вышел с корабля и зацепился за берег. Пока снова не пришло время сдаваться на милость повелителя глубин, Большого Змея.

Слова баллады точно соответствуют верованиям покорителей океана — по их представлениям, где-то на огромной глубине живет Большой Змей, именно он правит всеми морями. И когда Змей просыпается от своей спячки — а большее время в году он спокойно спит на дне, — тогда и гибнут суда, тогда и упокаиваются в желудке Змея несчастные мореплаватели, оказавшиеся не в том месте не в то время. Ведь Змею надо чем-то питаться? А что может быть вкуснее, чем просоленное, пропитанное пивом мясо корабеля?

— Еще! Еще давай!

И дождь из монет. Хороший такой дождь. Меня любят, мне хорошо набрасывают монеток. И плевать им, что я ворк — человек из ненавидимого, гонимого имперцами племени. Моряки сами гонимы и сами отвержены — как и я, как и тысячи мне подобных. Им ли меня ненавидеть?

Я снова наигрываю, задумавшись и даже не попытавшись собрать монеты, которые раскатились по всей сцене. Успею собрать. Никто их не возьмет. А если все-таки одна-другая монетка пропадет, попавшись под руку усталой шлюхе или замотанной беготной подавальщице, — так и пускай. Значит, им больше было нужно, чем мне. Я не обеднею. У меня счет в банке, я курсант магической Академии на полном обеспечении, и музыка для меня только развлечение. Потому... попросит — я и сам подарю эти деньги. Нет, не альтруист и не дурак. Просто... не жри один — не то подавишься.

Кому велит божественная милость...¹

Молчание. Потом рев, потом крики... все как всегда. Я впитываю эмоции людей, я наслаждаюсь ими!

Наверное, я эмоциональный вампир. Как, вероятно, и большинство из музыкантов, певцов. Иначе зачем они это все делают? Просто для того, чтобы колебать воздух? Всего лишь зарабатывать деньги? Нет. Нам нужно именно это — рев толпы, поклонение, нам нужна ЛЮБОВЬ! Возможно, мы недополучили ее в детстве, а может быть, мы просто ненасытны, как волки, всегда алчущие крови. Мы питаемся любовью, мы сосем ее, как материнское молоко — такое сладкое и такое желанное. В эти моменты я тоже люблю. Весь мир! Всех, кто любит меня. И забываю о том, что в мире еще столько плохого, столько гадкого и грязного...

---

¹ Кому велит божественная милость — М. Семенова.

Нет преграды лунным лучам...¹

«Впереди поет океан, вóроны кричат позади», — ревет зал, повторяя последние строки. Они уже знают эту песню, я пел ее им, пел ее и Аллен — он просил у меня позволения исполнять мои песни. Как я могу ему отказать? Да и выполнит ли он, если я вдруг сойду с ума и прикажу никогда не играть мою музыку и не петь мои песни?

Я и сам-то не очень чист на руку. Половину из этих баллад некогда сочинил сам, когда на меня вдруг напал такой... хмм... стих, а половину позаимствовал у земных поэтов. Например, те три баллады, что сегодня пел, сочинила писательница Семенова. Баллады случайно попали под мой взгляд, когда я уже служил в ЧВК, и я, недолго думая, подобрал к ним музыку. Здесь мне осталось «только лишь» перевести слова стихов на Всеобщий язык да подогнать под исполнение на лютне.

И... баллады зазвучали. Здесьние зрители неприязнительны, им не надо чеканных рифм, не надо выверенности и красоты строк, так что мой перевод прокатывает на ура. Что и доказывает дождь из монет, которые исправно сыплются на сцену.

Я сегодня в ударе, мои длинные пальцы ворка щиплют струны, цепляя их напальцевыми медиаторами, похожими на серебряные когти. Из-за использования медиаторов звук получается звонче и чище.

Кстати, я настоятельно советовал Аллену использовать такие медиаторы — пусть не серебряные, как у меня, но... хотя бы медные. Но этот упрямец

---

¹ Нет преграды лунным лучам — М. Семенова.

только отмахивается — мол, привык уже работать ногтями, медиаторы — это только для изнеженных дворянчиков, которые, сходяв помочиться, пять раз подряд после этого моют руки с мылом (надо мной стебается, мерзавец!). А он, настоящий солдат, укрепил свои пальцы так, что ногти и сами пальцы стали тверже, чем сталь!

Я, правда, так и не понял связи между мытьем рук после сортира и крепостью пальцев, но спорить с бывшим наемником не стал. Как там выдал Петька в старом анекдоте, когда Василий Иванович сказал: «Темно, как у негра в жопе!»? «Ты, Василий Иванович, везде бывал, все видал!» Спорить с упрямыми — это не для меня.

— Вина музыканту! Самого лучшего вина! — крикнул кто-то из зала, и его клич подхватили несколько голосов. Дункас от своего места у прилавка «бара» подмигнул мне, сделал знак подавальщице, и она принесла три здоровенных кувшина. Я поднял первый кувшин, встал и, сделав международно-межпространственный жест: «За вас!» — отпил этого самого дорогого вина под восторженный рев угощавших меня зрителей. Приятно людям, когда их уважают, когда не брезгуют их подношением. Отказываться нельзя! Обида!

Так и спиваются музыканты, превращаясь в настоящих скотов, заканчивающих свою жизнь в придорожной канаве. Вот только в кувшинах у меня не дорогое вино. И вообще никакое не вино. Чистая вода — холодная, только что из колодца. Но счет угощавшему выставляют как за самое лучшее южное вино. Деньги — пополам с трактирщиком. Таковы правила. Бизнес, и всем хорошо.

Я вообще-то практически не пью. Могу выпить легкого пива — немного. Или легкого вина — тоже чуть-чуть. Я и на Земле не пил, потому мне по принципу «из противоположного» и дали позывной Синий, к тому же соответствующий фамилии. И в этом мире я не употребляю ничего крепче легкого вина, едва отличимого от чистого виноградного сока. Никакого тебе старого Южного, густого, как мед, и сшибающего с ног не хуже пулемета, никакого тебе самогона, который здесь пьют самые опустившиеся из пьяниц. Руссише музыканто — облик морале!

Кстати, и в этом смысле тоже. Мне каждый раз, как я появляюсь в «Якоре», молоденькие плюшки предлагают воспользоваться их услугами с большой скидкой или даже «за так», просто потому что я молоденький красавчик, а они уже устали от грязных грубых мужиков. Тем более что я воспитанный и, наверное, в момент оргазма не бью женщин кулаком по спине. Но каждый раз я отказываюсь, мотивируя это тем, что недостаточно хорош для такой красотки, что для нее нужен настоящий, крепкий мужик, достойный ее великолепных форм!

Однотипная шутка, но она, как ни странно, прокатывает всегда. Девки ржут, как лошади, лезут целоваться, потом я долго пахну сладкими дешевыми духами и притираниями, которые никак не могут заглушить несущийся от этих женщин запах застарелого пота, несвежего белья и мужского перегара.

Да, я довольно-таки брезглив, не для этого мира, который еще не очень-то заботится о гигиене и точно ничего не знает об источниках болезней, всяких там микробах и бактериях. Если бы не

маги-лекари, все эти девицы давно бы скончались где-нибудь на пустыре, разъедаемые самыми мерзкими дурными болезнями. Для врачей эти болезни не представляют из себя ничего сложного. Один сеанс лечения — и готово. Вот только не всегда болезнь проявляет себя сразу, потому цветут ясным цветом всевозможные болезни смешные, случающиеся от любовных игрив.

Да, я не настолько изжаждался по женской ласке, чтобы пить из первой попавшейся лужи, как завещал нам великий Ленин, узнавший о причудливых развлечениях небезызвестной дамочки с хитрой фамилией Коллонтай. У меня есть с кем вылечить свой спермотоксикоз, и я делаю это успешно и с огромным удовольствием.

Напившись «вина», промочив глотку, пою дальше. Вначале «Город золотой». Вот это настоящая лютневая музыка! Вавилов был настоящим гением! Увы... рано ушел. Умер от рака, не увидев известности при своей жизни. Народ в трактире любит эту песню, ее играю только я. У Аллена голос хриплый, сорванный, как и положено настоящему вояке. Я же пою и в теноре, и в баритоне и могу даже опустить до баса — как оказалось, у моего тела, ранее принадлежащего покинувшему этот мир парнишке Келлану, невероятное строение связок и вообще всего певческого аппарата. Такие, как он, певцы случаются очень редко. На Земле я видел таких раза два или три — одним из них был певец-пародист Чистяков, который мог скопировать голос любого человека в мире (я видел и слышал его в записи, он рано ушел — трагически погиб). И петь любым голосом любого певца. Мутация, конечно же. Отклонение от нормы.

Впрочем, возможно, что у ворков это не такое уж и редкое умение. Я почти не общался с представителями племени, давшего жизнь Келлану, но слышал, что ворки всегда отличались умением музицировать на любых музыкальных инструментах, а еще очень хорошо поют.

Затем исполняю песню, которую играл и пел совсем «недавно» в Сирии, как раз перед тем выездом, в котором меня убили. Я услышал ее в сети, и она меня сильно зацепила. Стихи, тексты я всегда запоминал практически с первого раза — и профессиональное музыкантское умение, которое я развил до совершенства, и природные способности, которые, как известно, не пропьешь. Так что, однажды услышав песню, я запоминаю ее навсегда. Как, кстати, и лекцию преподавателя. Что немало удивляло и моих преподавателей в музыкальной школе, и учителей обычной школы, где я, вечный хулиган с тройкой по поведению, учился на «отлично» (ну если ты с ходу, на слух запоминаешь все то, что тебе говорит учитель, — как ты еще можешь учиться, кроме как «на отлично?»), удивлял всех, кроме моей мамы, считавшей, что это ее заслуга. Это она родила такого умного и разносторонне образованного мальчика — в маму пошел!

Тем бóльшим ударом для нее было узнать, что я отправляюсь в армию, чтобы потом стать профессиональным военным. *«Убивать людей?! Тупой солдафон?! Ты сошел с ума! Я сейчас позвоню тете Соне, и она тебя обследует на предмет душевного здоровья! Какая армия?! Ты же не выдержишь, ты всегда кашлял!»*